

В. И. ПИРОЖНИКОВА

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Рассматривается концепция коммуникативной рациональности; на основе выделенных аспектов делается вывод о ее характере.

The article is devoted to the analysis of the communicative rationality conception. Based on the detailed specific aspects of the communicative rationality conception it presents the conclusion about its character.

Трансформация классического мышления расширила проблемное поле философской рефлексии и создала предпосылки для ее плодотворного сотрудничества с различными формами конкретно-научного, социогуманитарного и обыденного знания. Центром внимания современных исследователей становится идея разнотипности и гетерогенности человеческого познания, в котором усиливается взаимосвязь и взаимодействие научных и духовно-практических форм освоения мира, осуществляется обращение к культуре, ее ценностно-мировоззренческим установкам¹.

Поворот к философии языка, обращение к анализу повседневной практики и актуализация коммуникативной проблематики в XX ст. сформировали новые философско-методологические ориентации социального познания. Большое внимание при этом уделяется проблеме коммуникации как особого типа социального действия и рефлексивного отношения к социальной реальности, опирающегося на синтетическое, междисциплинарное знание.

Изменение общих познавательных установок сказалось также на образе рациональности, переосмысление которого осуществляется в направлении преодоления издержек основных версий рационализма, выраженных в виде двух стратегий. Одна из них, абсолютистская, считает принципы рациональности вечными и неизменными. Рациональность предстает в ней как способ организации знания на основе сведения многообразия к базовым структурам. В определенном смысле такая стратегия ведет к единству многого, основанному на унификации. Другая стратегия пытается вывести критерии рациональности из истории тех форм деятельности, которые воплощают в себе рациональность, что ведет к релятивизации и размыванию последней.

Определяющим механизмом коррекции и совершенствования рациональности, на наш взгляд, является установка на построение более масштабной модели соразмерности, соответствия человеческой позиции реальному положению дел, связанной с необходимостью диалога, коммуникации. Так, тождество разума и бытия, способность разума к овладению условиями человеческого существования, провозглашенная в классической трактовке рациональности, остаются основополагающими принципами рационалистической установки, но это тождество не представляется предуготовленным, а, напротив, зависит от направленности, усилий человека, в том числе и от его способности к диалогу и коммуникации. Установка рационального сознания, по мнению В.С. Швырева, «оказывается не просто интенцией на предмет познания "сам по себе", но по возможности наиболее точной рефлексивной фиксацией специфики той реальной позиции, в которой оказывается субъект в своем отношении к миру, в который он включен». Это подрывает объективистскую трактовку социальных процессов и процесса познания, показывает, что мир творится, конструируется людьми в процессе диалога, коммуникации, через сопряжения, синтез разных уровней и форм философского дискурса.

Об этом, в частности, свидетельствует выдвинутое К. Хюбнером обоснование рациональности как intersubjectивного понимания смыслов, принятых в современной культуре³. Иными словами, коммуникативная рациональность включает в себя не только предметно-объективную ориентацию знания, но предполагает также учет интересов и ценностных предпочтений субъектов познания, их видения и понимания исследуемой предметной области, сложившихся у них образов социальной реальности.

В отечественной философии науки второй половины XX в. тенденция к коммуникативному пониманию рациональности нашла свое воплощение в концепции «открытой» рациональности. Осмысление данной проблемы можно найти у В.С. Швырева, А.И. Ракитова, В.Н. Поруса. Согласно исследованиям В.С. Швырева, в познавательной деятельности «закрытая» форма рациональности проявляется в утверждении определенной концептуальной позиции: теоретическое пространство, которое интерпретирует и воспроизводит познание по объективно-истинным, имманентным ему законам⁴. Именно такую форму рациональности чаще всего отождествляют с рациональностью вообще, которая обеспечивает проникновение человеческого разума в слои реальности, недоступные неспециализированному мышлению. На практике же она оказывается связанной с целесообразностью практической деятельности, с ее направленностью на определенный фиксированный конечный результат. С точки зрения «открытой» рациональности познавательная деятельность ориентирована на идеал возможно более полного и глубокого постижения реальности: рациональной признается та познавательная деятельность, которая реализуется в рамках критико-рефлексивных познавательных позиций. «Открытость» рациональности означает способность разума к самоизменению, развитию, связанную с возможностью функционировать в пространстве конструктивного диалога и творческого взаимодействия.

В современном философском дискурсе эти идеи оказываются созвучны одному из центральных понятий теории Ю. Хабермаса - коммуникативной рациональности. Свою задачу автор статьи видит в том, чтобы на основе рассмотрения его позиции попытаться прояснить некоторые аспекты коммуникативной трактовки рациональности.

Создавая собственную оригинальную концепцию, Ю. Хабермас стремится творчески переосмыслить трактовку понятия рациональности, сформировавшегося в социогуманитарной традиции. К истокам рационального понимания социальной деятельности восходит концепция М. Вебера. Он провел различие между рациональностью традиционного общества, названной им «ценностной», и рациональностью современного, капиталистического общества, или «целерациональностью». Рациональность в первом случае характеризуется деятельностью в ее совокупном отношении к обществу и оз-

начает соответствие деятельности принятым в обществе ценностям. С идеей целерационального действия связано учение М. Вебера о «формальной» рациональности. В методологическом плане такое рассмотрение означало претензию на построение некой универсальной схемы. Отныне именно то, насколько деятельность человека способна дать совпадения с результатом, насколько избранные средства обеспечивают эффективность достижения цели, и делает деятельность рациональной. Можно сказать, «формальная» рациональность проявляет себя как закономерность, содержащая определенный стандарт, организующий логику развития общества и культуры в целом в направлении поиска, «свободного от ценностей», вопреки воле и желанию людей. Рациональность оказывается принципиально локальным феноменом, она не позволяет сравнивать разные типы деятельности, не служит человеческому взаимопониманию.

Вместе с тем анализ рациональности деятельности в социогуманитарной традиции привлек внимание к исследованию субъективного опыта в построениях интеракционистки и феноменологически ориентированных теорий: символического интеракционизма Дж. Мида, концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна, герменевтики Х.-Г. Гадамера, теории «речевых актов» Дж. Остина и др.

Критически переосмысливая и синтезируя идеи указанных мыслителей в теорию коммуникативного действия, Ю. Хабермас использует понятие коммуникативной рациональности для решения проблем социально-онтологического и эпистемологического характера. В своей концепции коммуникативного действия он создает идеальную модель коммуникации, которая включает в себя описание нового типа социальной интеграции, построенной на принципах диалогичности, понимания, рефлексии и взаимного стремления к творческому взаимодействию. Такое переосмысление предполагает переход от философии сознания и принципов «методологического солипсизма» к новой теоретико-методологической парадигме, в основании которой находится модель языковой коммуникации.

Язык в концепции Ю. Хабермаса рассматривается прежде всего со стороны прагматики и представляет собой матричную аналогию социальных отношений. Именно он оказывается не просто средством передачи информации, но некой деятельностью в социальной практике, превращающей предложения языка в соразмерную контексту речи ситуацию⁵.

На уровне теории социального действия Ю. Хабермас эксплицирует специфику коммуникативного действия посредством отличия его от инструментального и стратегического действия. Инструментальное действие ориентировано на успех и организовано в соответствии с техническими правилами. Оно превращается в стратегическое, если зависит от рационального выбора и оценки участниками интеракции степени эффективности его влияния на понимание коммуникации⁶. Особенностью коммуникативного действия, согласно Ю. Хабермасу, является ситуация взаимопонимания. «Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только вместе со слившимися в особую тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта»⁷. Ю. Хабермас показывает, что акт коммуникации и взаимопонимания осуществляет координацию действий, формирует сферу, пространство согласия, когда он основан на понимании.

В теории коммуникативного действия формулируется постулат внутренней зависимости рационального понимания и ценности. На основе этого постулата Ю. Хабермас вводит новое понятие объективности понимания, которое отличается от естественнонаучного. Он рассматривает понимание не как субъект-объектное отношение и желание найти нечто, приемлемое для всех, в рамках одной, «экспертной» позиции, но утверждает, что достижение понимания и принятия адекватных решений в обществе возможно лишь тогда, когда ведущая роль отводится коммуникативным рациональным структурам. «В коммуникативном действии, - указывает Ю. Хабермас, - один предлагает другому рациональные мотивы присоединения к нему»⁸.

Иными словами, диалог, коммуникация и понимание возможны, если удастся достичь беспристрастной оценки рациональности мотивов действий каждого участника и прямо заявить об этом. Приоритет в данном случае отдается не обмену экспертными оценками, а обсуждению, учитывающему все многообразие различных форм знания.

Коммуникативное понимание образует особую творческую сферу, в которой нет априори гарантированного трансцендентного смысла. Это скорее процесс поиска смысла, заинтересованность в обсуждении и во взаимограничении партикулярных установок. В самом акте языкового общения, коммуникации заключается определенная нормативность, связанная с аргументативным обоснованием той или иной позиции. Следовательно, рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» и открытости для диалога участников коммуникации. Это достигается как за счет признания участниками друг друга в качестве полностью ответственных и правдивых субъектов действия, так и их готовностью к критике и аргументированному обоснованию своих мнений. Как результат этого процесса формируется коммуникативная среда, в плюральном пространстве которой появляется новое знание. При этом могут актуализироваться смыслы, которые долгое время находились на периферии и не вступали в пространство концептуальной соизмеримости.

Консенсус предполагает установление рационального баланса между различными вариантами решения проблемы. Одним из необходимых условий рационально мотивированного консенсуса, согласно Ю. Хабермасу, является отсутствие принуждения⁹. Его идея состоит в том, что консенсус является рационально мотивированным, если осуществляется исключительно через неоспоримость используемых аргументов, а не через внешние принуждения, встроенные в структуру дискурса. Формирование консенсуса происходит в процессе экспликации предпосылок коммуникации, которые задают универсальные масштабы дискурса. При этом Ю. Хабермас, следуя традиции Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, предполагающей тесную связь особенностей понимания с определенными жизненными формами, исходит из того, что необходимые условия любой коммуникации контекстуальны, ограничены смысловыми горизонтами, а значит, случайны. Точка зрения Ю. Хабермаса заключается в том, что универсальные масштабы дискурса могут быть эксплицированы только из контекста, из проблемы. Иными словами, рациональный консенсус предполагает соотнесение смысловых контекстов и способов аргументации. Поэтому критерий рациональности коммуникации состоит не просто в достижении некоторого консенсуса, но именно рационально обоснованного соглашения, когда выполняются все необходимые условия и предпосылки критического обсуждения наиболее значимых и актуальных проблем.

Условием этого является осознание заложенного в речевом акте *притязания на значимость*¹⁰. Это важное отличие позиции Ю. Хабермаса, потому что он помимо значений выделяет *значимость*, которая должна быть схвачена оппонентом как(со)участником коммуникативного взаимодействия. Согласно коммуникативной модели действия, каждый участник коммуникации выдвигает притязание на следующее: 1) высказывание истинно; 2) с учетом определенного нормативного контекста действие является правильным; 3) то, что подразумевается в речевой интенции, выражается явно¹¹. Иными словами, притязания на значимость выражают интенцию на истинность, правильность и правдивость, которые выступают как регулятивная идея процесса коммуникации. Коммуникативное действие оказывается рациональным настолько, насколько оно может быть подчинено требованиям интерсубъективно разделяемой значимости выражений в процессе аргументации, исходя из предпосылки, что понимать себя (мыслить) можно, только находясь в отношении с другими. «Предпосылочные структуры фактической коммуникации, - замечает В.Н. Фурс, - уже сами по себе предоставляют средства критической оценки и коррекции фактических интеракций и их результатов»¹². Следовательно, в самом акте коммуникации содержатся кон-

ститутивные структуры, которые, так или иначе, отсылают к интерсубъективной предпосылке, более широкому контексту, чем случайный контекст коммуникации, и выполняют роль регулятива, направляющего процесс рационализации. Задача коммуникативной рациональности связана с раскрытием предпосылочных коммуникативных структур, некритическое принятие которых ведет к необоснованному господству только одной исследовательской позиции, теории.

Критически мыслящий философ, не связанный парадигмой одной исследовательской позиции (научной дисциплины), играет в такой дискуссии ключевую роль как человек, способный рассматривать отдельную проблему в совокупном контексте. Согласно Ю. Хабермасу, философия, вступая в тесное сотрудничество с различными социальными и гуманитарными науками, опираясь на практики повседневного «жизненного мира», может сохранить идентичность и по-новому определить свою роль «хранительницы рациональности», преодолевая изоляцию различных форм культуры и обеспечивая единство разума в повседневной коммуникативной деятельности¹³.

Итак, коммуникативная рациональность, предложенная в теории Ю. Хабермаса, связана с соединением рационального знания и коммуникативного действия. Невозможность свести к общему знаменателю все различия в способах восприятия проблемы многими субъектами делает социальное познание гетерогенным: оно представляет собой сосуществование множества партикулярных горизонтов, точек зрения. Средствами координации познания становятся дискуссия, дискурс, установка на взаимопонимание. Это предполагает отказ от универсальных притязаний социального познания и формирование проблемно-ориентированных исследований. Таким образом, коммуникативная рациональность рассматривается как характеристика плюрализма и междисциплинарности в социальном познании.

В рамках коммуникативной рациональности предполагается четкое осознание контекстуальных (рамочных) условий проблемной ситуации, порождаемой спецификой коммуникативного взаимодействия. Осуществляется отказ от одной теории, программы, в рамках которой могла быть решена проблема, к интеграции различных подходов для того, чтобы произвести отбор необходимого комплекса исследовательских программ и методологических установок посредством выявления их преимуществ и недостатков.

Как результат этого процесса должен сформироваться рационально мотивированный консенсус, обоснованный выбор. Консенсус предполагает установление рационального баланса между различными вариантами решения проблемы. Речь идет о разных уровнях коммуникативного взаимодействия - от обмена идеями до взаимной интеграции концепций, исследовательских процедур, терминологических дискурсов.

Коммуникативное действие - всегда личностно значимое, позволяющее эксплицитовать отношение (вовлеченность) участника коммуникации к тому или иному сформулированному проекту, проблемной ситуации. Становится невозможной метапозиция интеллектуала-теоретика: только будучи вовлеченным в ситуацию коммуникативного взаимодействия с «Другим», участник коммуникации может сформулировать правила этого действия. Они принимаются посредством реализации установки на истинность, правильность, правдивость в ситуации, когда каждый из участников коммуникации воспринимает себя и «Другого» как равноправных и ответственных партнеров. Позиция исследователя связана с определенной этикой и нормами рационального критицизма, только на основе которых может быть обоснован когнитивный интерес. Это актуализирует ценностные, практические аспекты коммуникативной рациональности.

Таким образом, коммуникативная рациональность выступает как деятельность в ситуации выбора. Именно в данном контексте формулируются нормы рациональности как деятельности целесообразной, продуктивной, соответствующей определенному социальному контексту. Одновременно коммуникативная рациональность обнаруживает свою роль в том, что она способствует взаимному согласованию взаимодействия социальных субъек-

тов, включению их локальных контекстов в функционирование общества в целом. Приобретая вид особой познавательной практики в социальном познании, она осуществляет критическую работу над целевыми установками, обостряя потребность в выборе познавательных ориентиров, наполненных культурными и ценностными смыслами.

¹ См.: Фарман И.П. Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 242.

² Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 92.

³ См.: Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 220-222.

⁴ См.: Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 92.

⁵ См.: Соболева М.К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. №2. С. 103.

⁶ См.: Фуре В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн., 2000. С. 90.

⁷ Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 52.

⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 92.

⁹ Там же. С. 200.

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Фурс В.Н. Указ. соч. С. 84.

¹³ См.: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 32.

Поступила в редакцию 27.04.06.

Виктория Игоревна Пирожникова - преподаватель кафедры национальной культуры и туризма Института молодежи и образования БГУ.